

Ноябрь 1861

Министерство Фульда.— Шаткость министерства Рикасоли.— Дело об аресте Мезона и Слайделля. — Бьюфортские негры.

Когда оканчивалось печатание предыдущей книжки, явилась в газетах телеграфическая депеша, говорившая о докладе Фульда императору французов, о совершенном согласии Наполеона III с этим документом и с находившимся в нем требованием восстановить политическую свободу во Франции. Мы могли еще успеть прибавить к тогдашнему политическому обозрению несколько слов об этом известии; но не захотели хлопотать о том, не думая, чтобы дело стоило хлопот. Оно действительно так и вышло.

Но, как предмет любопытства, доклад Фульда — вещь не оцененная. Вообразите себе, что все органы французского правительства постоянно доказывали цветущее благосостояние французских финансов; что малейшее сомнение в этом со стороны независимых газет объявлялось злонамеренною клеветою и подвергалось надлежащим взысканиям, — и вдруг, без всяких прелюдий, «Монитёр» представил глазам удивленной публики документ в следующем роде. При существующем порядке французского финансового управления, говорит Фульд:

«Невозможно было законодательному корпусу с точностью знать финансовое положение. Каждый бюджет представлялся оставляющим излишек доходов и каждый оказывался имеющим дефицит. В восемь лет, с 1851 до 1858 года, дополнительные и чрезвычайные кредиты, увеличивавшие представляемый законодательному корпусу бюджет расходов, простирались не менее как до 2 400 миллионов франков; если исключить отсюда издержки восточной войны, простиравшиеся до 1 350 миллионов, остается 1 050 миллионов франков дополнительного и чрезвычайного расхода за восемь лет, или, средним числом, по 130 миллионов франков в год. Нашим финансам существенно опасно то, что правительство декретирует расходы без контроля законодательной власти. Конституция предоставила законодательному корпусу право вотировать налоги; но это право было бы почти пустым словом, если дела останутся в нынешнем своем положении. С 1858 года факты стали, к несчастью, еще более серьезными. Дополнительные расходы в 1861 году простираются почти до 200 000 000 ф[ранк]ов. Изучая финансовый вопрос, легко предвидеть, что если система не будет изменена, мы скоро увидим себя в серьезнейшем затруднении».

Фульд снова перечисляет расходы, произведенные с 1851 года до нынешнего времени без контроля законодательной власти, — расходы, составлявшие дефицит, и находит, что в 10 лет они простирались до 2 800 миллионов франков.

«Из этого мы видим, продолжает он, как возрос государственный долг. На покрытие этих расходов призывалась помощь кредита во всех формах; но было бы очень опасным обольщением бесконечно рассчитывать на кредит. Его состояние тем более заслуживает внимание императора, что наше финансовое положение стало теперь главным предметом общих разговоров. При рассмотрении бюджета на нынешний год было высчитано, что в конце его дефицит будет простираться до 1 000 миллионов франков, и эта цифра не преувеличена. Законодательный корпус и сенат уже выражали свое беспокойство об этом предмете. То же самое чувство овладело всеми коммерческими людьми, предсказывающими кризис. Истинное средство предупредить его — уничтожить источник зла, отказавшись от дополнительных и чрезвычайных расходов. Намереваясь посоветовать вашему величеству отказаться от власти располагать государственными средствами без предварительного одобрения законодательного корпуса, я рассматривал, каковы были бы последствия такого отречения; и чем глубже вникал я в вопрос, тем более убеждался, что это право ставит вас, государь, в важное затруднение. Отрекшись от него, вы восстановите доверие Франции к правительству. Потому с глубоким убеждением я умоляю ваше величество возвратить законодательному корпусу его неоспоримые права. Всеподданнейший слуга вашего величества А. Фульд».

Каждому понятен смысл этого доклада, приведенного нами в извлечении. Фульд говорит, что правительство было расточительно, истощило средства Франции, привело казну к банкротству, которого можно избежать только совершенным изменением правительственной системы; он говорит, что кредит правительства расстроен, что Франция не имеет к нему доверия и ждет кризиса. Короче сказать, доклад имел такое содержание, что не будь под ним подписи Фульда, надобно было бы его автором считать какого-нибудь непримиримого противника наполеоновской династии. Но «Монитор» обнародовал вместе с докладом письмо самого императора французам к государственному министру, и в письме этом удивленная публика читала следующие слова:

«Я вполне согласен с мнением г. Фульда о нашем финансовом положении. Я всегда желал удержать бюджет в определенных границах; но непредвиденные обстоятельства и постоянно возрастающие надобности, к несчастью, не позволяли мне достичь этой цели. Будучи верен своему происхождению, я не могу считать прав короны ни священным даром, до которого нельзя касаться, ни наследством предков, которое должен был бы я в целости передать своему сыну. Будучи избран народом и служа представителем его интересов, я всегда без сожаления покину все права, ненужные для общественной пользы».

Что же такое обозначалось напечатанием такого письма при таком докладе? Дело ясное: император французам говорил, что до сих пор пользовался правами, несогласными с благом страны, и должен теперь отказаться от них. В другом письме, тут же на-

печатанном и обращенном к Фульду, он говорил автору сокрушавшего прежнюю правительственную систему доклада, что просит его принять на себя управление финансами, потому что не может обойтись без его помощи, решившись править отныне по новой системе, не похожей на прежнюю.

Нет никакого сомнения, что зрелище такой перемены должно было, по мнению французского правительства, произвести впечатление серьезного факта. Но отзывы иностранных газет не соответствовали ожиданию, столь основательному. Вот, например, отрывок из статьи, какую встретила извещаемый переворот газета «Times»:

«Мрачным республиканцем надо назвать человека, который не умилился очаровательною искренностью императора французов. Наполеон III как будто даже рад своим прежним ошибкам, которые дают ему случай показать, как мило он может подвергать себя наказанию за них. Француз, конечно, не может отказать в своем доверии правителю, готовому, по голосу разума, явиться перед лицом целого света с провозглашением, что десять лет он делал вещи, которых не следовало делать, — правителю, с мужественным прямотушием исповедующемуся в своих поступках и с любовью хвалящему резкого человека, изобличающего его. Не всякий государь допустил бы обнаружение документа, в котором истина высказывается так резко и неуклонно, что финансовый расчет имеет характер сатиры. Трудно решить, которому из двух произведений надобно отдать пальму первенства, когда о пальме состязуются такие сочинения, как доклад г. Фульда и письмо императора. Они совершенно достойны друг друга. Предостережения смелого советника вызвали самый приличный ответ: император назначил его министром финансов. Правда, можно это было сделать и не подвергаясь публичному наказанию от него. Но император французов не такой человек, чтобы стал подвергать себя покаянию без надобности».

Само собою разумеется, что мы нимало не одобряем тона этой статьи, которую переводим только для того, чтобы читатель видел, какое непредвиденное впечатление было произведено фактом, рассчитанным на совершенно иной эффект, и чтобы никто не мог назвать неосновательными наши слова о напрасности меры, принятой императором французов.

Мы называем ее напрасною потому, что император французов не в состоянии совершить провозглашаемой перемены, а если кто не может исполнить какого-нибудь намерения, то не должен он и говорить о надобности такого дела.

Мы надеемся, что читателю не покажется странна мысль наша о недостаточности могущества императора французов для совершения реформы, надобность в которой выставляется докладом Фульда. Не раз и не два «Современник» уже говорил о том, что номинальная обширность власти еще неравнозначительна действительному размеру ее. Люди, судящие поверхностно, воображают, что Наполеон III имеет силу делать во Франции все, что находит нужным. Это справедливо только относительно личных его дел. Если, например, лично ему неприятен какой-нибудь сановник, он может сменить его, как только вздумает. Если ему

вздумается делать какой-нибудь расход, он может бросать на него деньги. Но может ли он ввести экономию в государственные расходы? Он сам в своем письме говорит, что никогда не был в силах сделать этого, хотя постоянно желал. Если же не в силах был он изменить даже и одну черту системы, по которой управлял, то как же достанет у него силы изменить всю систему?

Цель подвига, совершенного столь громко, была действительно важна: огромный дефицит кончающегося года с неоплаченными расходами, оставшимися от прежних годов, составляет, как видим из слов Фульда, более 1 000 миллионов франков. Надобно было прибегнуть к обыкновенному приему: консолидировать текущий долг, то есть сделать процентный заем для его покрытия. Но в мирное время сделать такой огромный заем представлялось вещь очень компрометирующею: на бирже уже говорили, что нельзя иметь доверия к правительству, которое слишком расточительно. Это обстоятельство указывает сам Фульд, как мы видим. Вот и найдено было нужным как можно сильнее уверить публику, что подобная операция делается в последний раз и что не повторятся ошибки, приводившие прежде к быстрому возрастанию государственного долга, потому что сам император твердо решил отказаться от прежней системы управления. Это объявление принесло бы большую пользу задуманному финансовому обороту, если бы можно было исполнить его. Но невозможность проглядывала в самом докладе Фульда и еще яснее обнаружилась обстоятельствами, связанными с поступлением в должность нового министра, обещающего исправить неудовлетворительную прежнюю систему.

Фульд и сам император французов находили главную причину чрезмерности расходов в слабости контроля со стороны законодательной власти, который назван у Фульда существующим только на словах. Что же предлагал сделать Фульд? Законодательный корпус не может сам решать, должна ли подвергнуться изменению какая-нибудь часть проекта бюджета, составляемого министрами при содействии государственного совета. Чтобы член законодательного корпуса мог сделать предложение о какой-нибудь перемене в бюджете, оно должно быть одобрено государственным советом. Фульд не предлагает отменить это правило, отнимающее всякую практическую важность у совещаний законодательного корпуса о бюджете. Еще важнее другая черта нынешней французской конституции: министры ответственны только перед императором, и мнение законодательного корпуса о подписываемых ими актах не имеет никакого влияния на ход правительственных действий. Законодательный корпус не имеет никакого голоса при назначении и отставке министров, не может давать им никаких инструкций, — они стоят выше законодательного корпуса, исключительно подчиняясь императору. Фульд ничего не упоминает об этом факте, при котором самое свободное

Обсуждение бюджета в законодательном корпусе оставалось бы чистою формальностью. Если министры не зависят от законодательного корпуса, пусть он одобряет или не одобряет какую-нибудь статью расхода, министры все-таки будут продолжать этот расход по распоряжению императора. Наконец и формальная ответственность министров перед законодательным корпусом ровно ничего не значила бы при нынешнем составе законодательного корпуса и нынешней системе правительственного участия в выборе депутатов. Читателю известно, что огромное большинство в законодательном корпусе составляют люди, лишенные всякой самостоятельности характера, не имеющие собственного образа мыслей и совершенно никакой опоры для себя в себе самих, держащиеся только благосклонностью правительства, в полное распоряжение которого они отдали себя. Читателю известно, каким порядком получают они свои места. Чтобы человек мог предложить себя или быть предложен другими в кандидаты на депутатство от известного департамента, нужно получить разрешение от правительства; разрешения этого почти никогда не дается людям, в полной преданности которых правительство не уверено. Исключение допускается только для немногих департаментов, в которых запрещение наделало бы слишком большого шума на целую Европу по особенной значительности городов, находящихся в этих департаментах; так допускаются оппозиционные кандидаты в Париже, в Лионе и немногих других местах. Но получив формальное разрешение явиться кандидатами, эти лица бывают обыкновенно лишены средств объяснить избирателям свой образ мыслей и причины, по которым не разделяют правительственной системы. Кроме того, употребляются местною администрациею всякие другие средства отнять у них возможность успеха. При таком порядке выборов законодательный корпус не имел бы никакого желания действовать самостоятельно, хотя бы на бумаге и пользовался всеми правами английского или бельгийского парламента. Огромное большинство его членов, находясь в полной зависимости от правительства, не имеет охоты сопротивляться ему ни в чем. Об этом обстоятельстве также ничего не упоминает Фульд.

Если же законодательный корпус состоит из людей, вперед готовых соглашаться во всем с министрами; если министры и по форме совершенно независимы от законодательного корпуса; если, наконец, он не может без их разрешения [передаваемого ему через государственный совет] предлагать никакой перемены в проекте бюджета, то очевидно, что он нисколько не может служить преградой расширению расходов, по какой бы форме ни происходило вотирование бюджета. А Фульд предлагает только перемену в способе вотирования, и притом вовсе не важную. Бюджет расходов состоит из бесчисленного множества отдельных статей; статьи соединены в главы, главы собраны в большие от-

дела, большие отделы сгруппированы по министерствам. Единственная форма вотирования, дающая депутатам действительный контроль над расходами, состоит в том, что парламент вотирует каждую статью расхода отдельно, и только для сбережения времени удерживает за собою право вотировать разом целую главу или даже целый отдел бюджета, если ни одна из отдельных статей этой группы не подает повода к спорам. Таков способ вотирования во всех парламентах, действительно контролирующих бюджет. Французский законодательный корпус до сих пор вотировал бюджет по министерствам; Фульд предлагал дать ему право вотировать по отделам; до того, чтобы вотирование шло по отдельным статьям или хотя по главам, Фульд и не думает доводить свою уступку. Нам совестно рассуждать с читателем об этих формальных вопросах, не имеющих никакого значения при сохранении главных принципов нынешней системы; но нельзя же не заботиться о том, чтобы хотя изредка сравниваться мелочностью суждений с так называемыми основательными людьми; потому мы и рассматриваем эту реформу в способе вотирования, хотя ни он, ни она ровно ничего не значат для сущности дела. Формальное дело вот в чем: если правительство не соглашается на перемену в той части бюджета, о которой идет вотирование, депутатам остается только одно из двух: или отступить от своего желания, принимая эту часть, как она стоит в проекте, или отвергнуть ее, то есть отказать в деньгах на эту часть. Но можно ли в обыкновенное время отказать в разрешении на все расходы по целому министерству? Разумеется нельзя, потому что есть в этой части бюджета очень много статей расхода на дела необходимо-нужные, которых нельзя остановить. Отвергнуть целый бюджет или часть его по целому министерству — мера революционная, равняющаяся требованию, чтобы правительство низверглось. Совершенно иное дело при вотировании отдельных статей расхода: тут депутаты отвергают только статьи ненужного расхода, без которого администрация легко обходится. Но большие отделы точно так же не могут быть отвергаемы целиком, как и целые министерства, потому что в каждом отделе соединены расходы по огромной отрасли управления, без которой нельзя обойтись. Например, бюджет военного министерства состоит только из двух отделов: в одном соединены все расходы по содержанию войска, крепостей, арсеналов и так далее в самой Франции, а в другом все военные расходы, делаемые в Алжирии. Отвергнуть первый отдел значило бы сказать: «распустите всю армию, не оставляя во Франции ни одного офицера, ни одного солдата; бросьте все работы в арсеналах», — это явная нелепость. Отвергнуть второй отдел значило бы сказать: «Франция должна отказаться от Алжирии» — тоже явная нелепость. Точно то же и по всем другим министерствам: всякий большой отдел совершенно необходим. Стало быть, замена вотирования по министерствам

вотированием по отделам нисколько не увеличивает для законодательного корпуса возможности выражать свои требования отказов в деньгах на тот или другой предмет излишнего расхода. Вся разниа состоит в том, что вместо десяти раз надобно будет собирать голоса раз семьдесят.

Но мы видели, что сам Фульд называет всякое вотирование бюджета чистою иллюзиею, потому что до сих пор император французов декретировал под именем дополнительных и чрезвычайных кредитов такие расходы, которых вовсе не было в бюджете, представлявшемся законодательному корпусу. Фульд справедливо замечает, что при таком порядке вотирование не имело никакого влияния на действительный ход расходов, которые определялись исключительно волею императора, и что от этого обстоятельства происходил дефицит. Так; но что же предлагает сам Фульд, убеждая императора французов отказаться от этого права? Он говорит, что декретирование дополнительных и чрезвычайных кредитов надобно заменить трансфертами или переводами денег с одной статьи расхода на другую, по усмотрению императора, составляя бюджет так, чтобы по всем большим статьям его назначались лишние деньги сверх действительной надобности расходованья по этим статьям; эти суммы, которые превышают действительную надобность, будут обращаемы на другие расходы, не поименованные в бюджете. Но кто же не видит, что такая система ничем, кроме внешней формы, не отличается от прежней? Прежде, например, законодательный корпус вотировал деньги на содержание армии в 400 000 человек, — положим, на это было действительно нужно 400 миллионов франков. Но император содержал армию в 470 000 человек и на содержание лишних 70 000 человек декретировал добавочные кредиты в 70 миллионов франков. По мнению Фульда, это должно делаться иначе: надобно, чтобы законодательный корпус на содержание армии в 400 000 человек вотировал 470 миллионов франков, хотя на такую армию действительно нужно только 400 миллионов; тогда остающиеся в излишке 70 миллионов могут быть употреблены на лишних 70 000 солдат. Разумеется, при таком порядке составления бюджета не нужно будет императору декретировать дополнительных и чрезвычайных кредитов.

Читатель видит, что перемены, предложенные Фульдом, нимало не касались действительного хода дела, а лишь заменяли одну внешнюю форму другой формой, которая только словами разнилась от прежней. Фульд, повидимому, очень хорошо понимал размер реформ, возможных для него и для самого императора. Кажется, нельзя назвать Фульда мечтателем. Но что же — когда он вступил в должность, оказалось, что и он был мечтателем при составлении своего плана реформы. Газеты вот уже целый месяц наполняются слухами о жарких спорах между Фульдом и его товарищами, особенно министром внутренних дел

Персиньи. Из-за чего идут у них споры, никак нельзя разобрать, если не вдаваться в тонкие подразличения, подобные разнице вотирования по отделам от вотирования по министерствам, или различию трансфертов от дополнительных кредитов. Персиньи — министр, имеющий влияние на общий дух управления; Фульд сделан министром точно с таким же назначением. Вот теперь и говорят, что Персиньи никак не может сойтись с Фульдом в принципах, по которым надобно управлять Франциею. О каких предметах думают они неодинаково, определить этого никто не умеет. Но как бы то ни было, распря существует; значит, должно же быть в чем-нибудь несогласие. Очевиден для непосвященных в тайны только результат непоколебимости министра внутренних дел в его убеждениях: новый министр финансов не успел приобрести в совете министров того преобладания, на которое рассчитывал. Он добивался председательства в кабинете — оно оставлено за Валевским, так называемым «государственным министром», который по своей незначительности не внушает зависти министру внутренних дел. Фульд добивался, чтобы в его непосредственное заведывание был отдан «Монитёр», которым заведывал «государственный министр»; «Монитёр» также оставлен у Валевского. Вот эти причины разногласия понятны и без тонких разъяснений. Персиньи, не находивший удобным садиться на первое место и прямо распоряжаться в редакции «Монитёра», не хочет, чтобы перешла эта честь и власть из рук клиента Валевского в руки Фульда, если Фульд не станет оказывать ему такой же подчиненности, какую оказывал Валевский; Фульд не хочет смириться перед Персиньи, потому не получает желаемого, и натуральным образом идут из-за этого интриги и ссоры. Проницательные публицисты, ломающие головы над разрешением важного вопроса о том, кто полезнее для Франции, Фульд или Персиньи, предсказывают, что Персиньи будет, наконец, побежден и удалится в почетное изгнание на прежнюю свою должность лондонского посланника. Мы избавляем читателя от глубокомысленных соображений о влиянии этой перестановки лиц на дух правительственной системы и от догадок о вероятности самой перестановки. [В наших глазах Фульд совершенно сливается в одну фигуру. Но, быть может, это происходит от нашей близорукости.]

Споры с Персиньи и Валевским составляют живейшую неприятность для Фульда. Иное дело министры военной и морской, с которыми Фульд уже перестал спорить, не замедлив убедиться в невозможности опровергнуть их слова, совершенно справедливые, но рассеявшие самую значительную из иллюзий Фульда. Выставляя громадность дефицита, Фульд, конечно, говорил о необходимости ввести экономию в государственные расходы. Сократить их он хотел преимущественно по двум статьям — по флоту и по армии. Немедленно по вступлении Фульда в долж-

ность морской министр объявил, что расходов по флоту нельзя уменьшить ни на один сантим и что рассуждать об этом деле он не намерен. Фульд не стал спорить. Но военный министр оказался человеком, с которым можно спорить не без удовольствия и успеха. Фульд толковал о сокращении армии на целую половину. Военный министр сказал, что [это вздор, но] можно подумать о некотором сокращении расхода. Фульд вдвое сбавил свои требования — речь шла об увольнении 100 000 солдат в бессрочный отпуск. Военный министр сказал, что это пустяки. Фульд заикнулся было, чтобы отпустить хотя 80 000 солдат, — военный министр пожал плечами. Фульд, видя неосновательность своих мыслей, попросил военного министра самого решить, нельзя ли сделать чего-нибудь в таком роде, хотя в каком-нибудь размере. Военный министр сказал, что он, пожалуй, отпустит на некоторое время тысяч до двадцати солдат; но только не на год, а так на несколько месяцев, или, быть может, на несколько недель. Фульд остался доволен и тем.

Вот мы видим тут, как хорошо улаживаются благоразумные люди, когда несогласны бывают не в личных своих делах, а в общественных вопросах. Военному и морскому министрам Фульд уступил без всякого огорчения, потому что дело тут шло только о возможности или невозможности уменьшить дефицит. Нельзя, так и нельзя, обижаться и огорчаться тут нечему. Мы уверены, что и с Персиньи Фульд поладил бы так же легко, если бы спор относился к каким-нибудь общественным надобностям. Но, к сожалению, не столь уступчивы бывают самые достойнейшие люди в своих личных требованиях. Впрочем, читатель не поколеблется в надежде, что никакие согласия между французскими сановниками не испортят системы, по которой управляется Франция. Принципы этой системы выше всяких личных неудовольствий: они вытекают из необходимости вещей.

Действительно, пока французские партии не согласились между собою или пока ни одна из них не привлекла к себе решительного большинства во французской нации, необходимо существовать такому правительству, при котором находились бы все партии в искусственном перемирии между собою. А для этого нужно, чтобы ни одна из них не участвовала в правительстве. Если же все партии устранены взаимными своими отношениями от правительственной власти, то, конечно, некому быть правителями, кроме людей, чуждых всем партиям. Нынешние французские правители формально присваивают себе это качество, — непринадлежность ни к каким партиям, — и гордятся им. [Но что такое партия? Союз людей, имеющих одинаковый образ мыслей о политических и общественных вопросах. Следовательно, не принадлежать ни к какой партии — значит не иметь никакого образа мыслей. Если же люди не имеют никаких принципов, деятельность их направляется исключительно личными расчетами. А уп-

равлять по личным расчетам — значит нуждаться в поддержке, основанной также не на убеждениях, а только на личных денежных выгодах. А приобретать поддержку удовлетворением своекорыстных расчетов обходится очень дорого. Правителям, поставленным в такую необходимость, невозможно рассчитывать государственных расходов сообразно с доходами: они принуждены тратить чрезвычайно много денег, потому что сами держатся только этими лишними тратами. Вот источник дефицитов, с которым не могут сладить никакие французские министры при нынешней системе.

Но расстройство финансов не может продолжаться бесконечно. Денежная сторона самая чувствительная у массы. Фульд замечает, что чрезмерностью расходов тревожатся люди, оставшиеся совершенно равнодушными ко всяким другим злоупотреблениям. А когда самые равнодушные становятся недовольны, без уступок уже нельзя обойтись. Овладевающая всеми во Франции мысль о необходимости контроля над государственным бюджетом требует удовлетворения. Мы видели, что предлагаемое Фульдом удовлетворение ограничивается одними словами. Многие во Франции замечают это теперь же; все остальные поймут после первого прилюдного замечания новой системы к делу, и потребуются действительные уступки. Но действительные уступки непременно ведут к тому, что управление надобно будет вручить людям, имеющим какие-нибудь определенные убеждения, а не одни личные расчеты. Таким образом, власть перейдет в руки какой-нибудь партии. А нынешняя французская система не может, как мы видели, быть согласована с этим. Но добровольно отказаться от существования она также не может, и потому все во Франции предвидят кризис. Главное условие для его наступления состоит в том, чтобы какая-нибудь партия показала обществу мнение способной к твердому управлению, то есть способною привлечь к себе большинство. До сих пор еще нет этого, и Фульд, Персиньи, Валевский остаются правителями благодаря продолжению обстоятельства, которому были обязаны происхождением своей власти].

Перемена, приближение которой обнаруживается документами, подобными докладу Фульда, в значительной степени замедляется тем, что внимание французского общества сильно отвлечено от внутренних дел внешними политиками. В этом заключается главный расчет французского правительства мешать устройству итальянских дел. Пусть лучше, чем о своих делах, французы рассуждают о том, какую пользу извлекают итальянцы из покровительства императора французов или какой вред наносит им его враждебность; пусть идут споры о том, каковы истинные отношения парижского кабинета к туринскому, думает ли император когда-нибудь вывести французские войска из Рима и так далее; развязка этих сомнений была бы вредна тем, что оставила бы французам больше времени думать о самих себе.

А в Италии усиливается неудовольствие медленностью хода дел. Оно дошло до того, что министерство Рикасоли колеблется ропотом значительной части большинства, непоколебимо вотивовавшего за Рикасоли в предыдущую сессию парламента. Мы говорили прошлый раз, что туринские министры делали отчаянные усилия выпросить у императора французов если не действительную уступку, то, по крайней мере, хотя какое-нибудь обещание по римскому вопросу, чтобы не явиться перед парламентом с пустыми руками. Ход переговоров составлял дипломатическую тайну; тем не менее газеты очень верно знали безуспешность их. Теперь Рикасоли принужден был сознаться перед парламентом, что римский вопрос ни на шаг не подвинулся дипломатическим путем. Кроме этой неудачи, в которой туринское министерство ни мало не виновато, — никто бы не мог добиться другого результата, действуя по принципам, в которых министерство согласно с парламентским большинством, — кроме этой безвинной неудачи, Рикасоли сильно потерпел от обстоятельства, в котором уже сам виноват. Читатель помнит о том, что неаполитанский наместник Чальдини, лучший боевой генерал прежней пьемонтской армии, получал беспрестанные неприятности за то, что не отталкивал от себя популярных людей, без содействия которых не могли быть успокоены волнения в Южной Италии. Он восстановил в Неаполе популярность Виктора-Эммануэля, потрясенную дурными мерами прежних наместников, действовавших по узким инструкциям туринского кабинета, и, заслужив привязанность населения Южной Италии, прекратил в ней бурбонскую агитацию, принявшую опасные размеры. Но в этом помогали ему люди, ненавидящие туринскому кабинету в качестве маццинистов или гарибальдийцев, и Рикасоли, верный наследник кавуровской нетерпимости, дал в обидных формах отставку Чальдини. Такое неблагоразумное оскорбление человека, уважаемого за военные заслуги, а еще больше за честность характера, оттолкнуло от Рикасоли многих. Чальдини перешел на сторону оппозиции, усилившейся значительным числом голосов. Теперь рассчитывают, что если партия умеренной оппозиции, руководимая Фарини, соединится с людьми несколько побольше либеральными, предводителем которых служит Раттацци, то Рикасоли будет низвергнут и в кабинет войдут Чальдини, Раттацци, Фарини. Очень может быть, что это и случится. Но если перемена будет состоять только в этом, — она не будет иметь никакого влияния на ход дел, которые пойдут быстрее только в том случае, если Раттацци, сделавшись первым министром, захочет опираться не на Фарини, ставшего в непримиримую вражду с популярными людьми, а на этих людей, с которыми легко ему сблизиться и по своим прежним сношениям с ними и через Чальдини. Мы еще не знаем, как думает действовать Раттацци: считает ли он себя довольно сильным, чтобы составить кабинет, или предпочтет попрежнему остав-

лять власть в руках Рикасоли; а если захочет низвергнуть Рикасоли, то захочет ли опираться на левую сторону; нам кажется, что теперь еще неправдоподобен этот последний шанс; но к нему постепенно ведет возрастающее неудовольствие безуспешностью дипломатизирования, наследованного нынешним министерством от Кавура.

Если бы Франция была совершенно свободна в своей внешней политике, неопределенное положение итальянского дела было бы очень быстро развязано вооруженным вмешательством Франции, которая восстановила бы в Италии порядок, назначенный условиями Виллафранкского договора. Королевство обеих Сицилий воскресло бы или с прежнею бурбонскою, или с новою мюратовскою династиею, а Средняя Италия была бы опять как-нибудь разделена между папою и кем-нибудь из прежних владетелей или принцем Наполеоном. Французский кабинет никогда не отказывался от желания привести Италию в такой вид, благоприятный французскому господству над нею. Но для исполнения этой мысли нужна война с итальянцами, а войны этой не хочет допустить Англия. Следовательно, французскому кабинету очень сподручно было бы запутать Англию в какое-нибудь дело, за которым не могла бы она останавливать французов ни в итальянских, ни в немецких делах (читатель знает, что вмешательство в германские дела также очень привлекательно для Франции). Недавно и блеснул было для Франции луч надежды избавиться от английского контроля в Европе. Но по последним известиям, надежда оказывается разрушающеюся.

Она состояла в том, что Англия объявит войну Соединенным Штатам. Нам скучно бывает разбирать дела, которые сами по себе не имеют важности, а выставляются только предложениями, прикрывающими серьезный расчет, да и ведутся по формальным тонкостям, изворачивающимся в какую угодно сторону; тем скучнее толковать о подобных делах, что газеты с необыкновенною охотою набрасываются на такой вздор и трубят о нем гораздо больше, чем о серьезных отношениях. Читатель не может не знать мельчайших подробностей англо-американского столкновения, о котором собственно не стоило бы говорить ни одного слова. Посланники южных штатов в Англию и во Францию, Мезон и Слайделль, успели на пути своем в Европу добраться до Гаванни и сели там на английский почтовый пароход, делающий рейсы между Гаванною и вест-индским островом св. Фомы, откуда ходят английские почтовые пароходы прямо в Англию. Северо-американский военный корабль подстерегал этих агентов, остановил английский пароход, на котором они ехали, взял их и отвез в северные штаты, где вашингтонское правительство содержит их под арестом. В Англии эта весть пробудила сильнейший гвалт об оскорблении английского флага, в Северной Америке такой же гвалт в пользу смелости американского капитана, не

остановившегося перед английским флагом. Несколько дней казалось, что вспыхнет война, и Франция очень усердно возбуждала к ней Англию. Ни одна английская газета не горячилась столько из-за чести английского флага, как французские полуофициальные газеты. Но прошло недели полторы, и случай, наделавший такой горячки, начал представляться и американцам, и англичанам в свете менее раздражительном. Англичане стали вспоминать, что сами они во все войны поступали с нейтральными кораблями точно так же, как американцы с их почтовым пароходом, и что неприлично для них слишком много сердиться на своих подражателей. Американцы рассудили, что мало им пользы держать под арестом двух южных джентельменов, пока единомышленники этих джентельменов имеют армию в несколько сот тысяч человек; кроме того, они узнали, что американский командир, арестовавший южных посланников, действовал по собственному соображению, а не по инструкции правительства, и стало быть, вашингтонскому правительству нет никакого унижения отказать от ответственности за горячий поступок капитана. Таким образом, неприятность, вероятно, будет как-нибудь улажена.

Но будет ли она улажена или в самом деле начнется между Англией и Америкой война, на которую подбивает англичан французский кабинет, это зависит вовсе не от истолкований международного права английскими и американскими юрисконсультантами, а от влияния расчетов более существенных. В Англии очень многие радуются распадению Соединенных Штатов, то есть ослаблению державы, которая представлялась слишком сильною соперницею. Южные штаты объявляют себя приверженцами свободной торговли, а тариф северных штатов довольно высок; кроме того, многие англичане уже думают, что надобно силою освободить от блокады южные порты, чтобы восстановился вывоз хлопка в Англию. В Америке желают войны с Англией тайные приверженцы плантаторов в северных штатах; они рассчитывают, что раздражением против англичан заглушится в северных штатах ненависть к инсургентам и можно будет восстановить союз уступками в пользу плантаторов. Теперь пока еще не берут эти разносторонние интересы перевеса над отвращением массы народа и в Англии и в северных штатах от войны, которая была бы слишком тяжела для обеих сторон; вот почему и надобно полагать, что дело об аресте южных посланников на английском пароходе кончится мирным образом¹.

Наши заметки за прошлый месяц оканчивались известием об отплытии сильной экспедиции из северных штатов на юг для овладения каким-нибудь важным пунктом побережья, откуда можно было бы действовать в тыл главной армии инсургентов, стоящей по южному берегу Потомака. Экспедиция без большого труда овладела Порт-Рояльской гаванью, лежащею в шестидесяти верстах на юг от Чарльстона, главного города Южной

Каролины, и заняла город Бьюфорт, лежащий близ этой гавани. Не пускаясь в догадки о том, каковы будут дальнейшие действия северного флота на южном берегу и что будут делать войска, высадившиеся в Порт-Рояле, мы приведем только следующий отрывок из рассказа одного офицера экспедиционного корпуса. Подробности, в нем сообщаемые, важны тем, что показывают, какой быстрой погибели подвергнутся инсургенты, если продолжение войны заставит союзное правительство призвать негров к восстанию.

«Под влиянием свежего впечатления (говорит автор приводимого им рассказа) спешу описать вам сцену, виденную мною, — ничего более печального я не видывал. Как только вступили мы на берег, мы подверглись прискорбным ощущениям. Двери магазина, стоящего на гавани, были разломаны, окна выбиты и все находившееся в магазине разграблено: остатки провианта были разбросаны по земле; повсюду лежали пустые бочонки, из которых было разлито вино или масло людьми, думавшими только о разрушении. Далее встречали мы на каждом шагу то же самое. Все лавки и магазины были разграблены. Мы не видели ни одного белого — все они бежали; капитан Роджерс тотчас же поставил караульных и отдал строгое приказание не трогать ничего. Негры, которых мы видели с моря, ушли с награбленными вещами; но другие группы негров бродили около нас и раскланивались с нами. Мы спрашивали их, куда девались белые. Повсюду был один и тот же ответ: «все они убежали, как только началась стрельба; а нас они бросили». Действительно, владельцы негров обратились в поспешное бегство, как только началась бомбардировка Порт-Рояля. Они старались убеждением или силою заставить негров удалиться с ними; но напрасно, негры остались; к ним присоединились другие негры из окружающих мест и начали грабить город.

Мы входили в обширные дома, в которых роскошно жили за несколько дней владельцы их, и находили богатую мебель переломанной, книги и бумаги разбросанными на полу, зеркала разбитыми, замки шкафов сломанными, фортепьяно опрокинутыми; даже из перин был выпущен пух. Это разрушение производилось не из одной корысти, а также просто из желания разрушать, потому что во многих случаях пользы из него нельзя было извлечь грабителям. Бегство было очень поспешно, так что почти в каждом доме мы находили забытые письма и бумаги. Приглашения к обеду лежали на столах комнат, стены которых были оборваны и почти вся мебель разбита и разломана неграми, о которых владельцы их утверждали перед нами, что они совершенно покорны, смирны и готовы сражаться за своих господ. Мы смотрели на все это и думали, как сильно и быстро наказаны эти люди, начавшие восстание.

Негры сказали нам, что белые возвращаются в город небольшими отрядами каждую ночь перед рассветом. Они просили нас преследовать их, обещая указывать нам дорогу. Нет сомнения, что все негры соседних мест готовы бежать от своих господ и уже бежали тысячами,